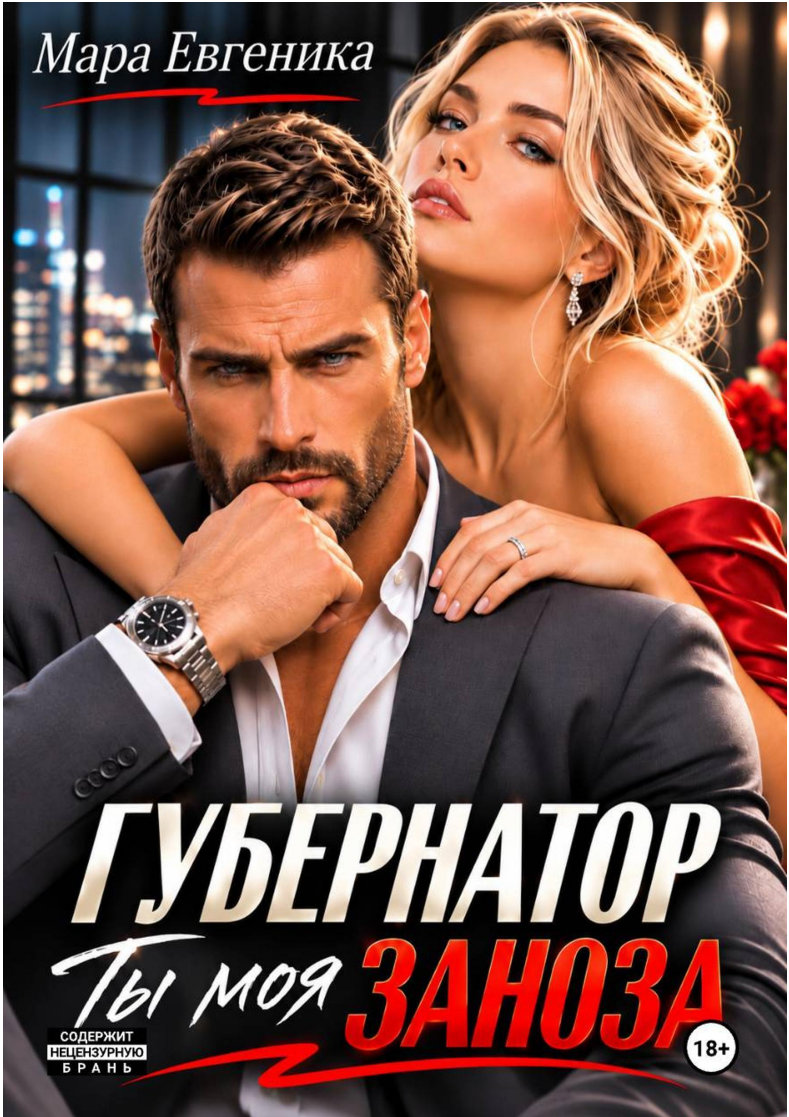

Мара Евгеника
ГУБЕРНАТОР
Ты моя ЗАНОЗА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Мара Евгеника

Губернатор. Ты моя проблема

https://litres.ru/75035538
SelfPub; 2026

Аннотация

- Заноза, на выход! За тобой пришли! - слышу скрежет замка обезьянника.

Открываю глаза и вижу ЕГО.

- С ним не пойду, - выдыхаю и ложусь на лавку. - Лучше за хулиганку отсижу.

- На выход! Иначе в камеру отправлю. К мужикам

- Это незаконно, - кричу, пытаясь сдержать слезы.

ТОТ, кто за мной пришёл, стоит молча. Давит меня взглядом.

От него идёт такая чудовищная энергетика, что я его боюсь. Мне страшно до дрожи в коленях

Он хозяин области. Я - девчонка, что сворачивает ему кровь. В его руках власть. Но! У меня тоже есть свой козырь

Губернатор. Ты моя проблема

ПРОЛОГ

Ночь. Трасса. Темень.

Подняв голову от планшета, вижу на дороге силуэт.

По высоте и габаритам понимаю: это особь женского пола.

— Василий, тормози! — кричу водителю, осознавая, что еще секунда, и мы снесем с трассы эту чокнутую лань.

Больше всего поражает, что девка, сверкая голым верхом, двигается боком и размахивает чем-то белым.

Приблизившись, различаю в белом куске тряпки футболку.

— Может выйти из машины? — басит Василий.

— Нет! Хрен его знает, вдруг она — утка подсадная, а где-то на обочине её подельники. Помнишь, Анатолий, как было в девяностых…

— Девка что-то подбирает на дороге, — бухтит начальник моей охраны.

— Вась, поставь гелик по диагонали. Подсвети фарами. На крышу мигалку выброс, — отдаю распоряжение, жалея, что машину сопровождения отпустил.

Сзади нас с визгом тормозит авто. Нетерпеливый водитель начинает сигналить.

Буквально через секунд тридцать девчонка с чем-то в футболке проходит мимо нас.

В благодарность машет нам рукой, потряхивая вполне приличной трешкой, неприкрытой ничем.

Дойдя до обочины, девка подбирает рюкзак и продолжает двигаться вдоль дороги.

— Сдай на обочину, — приказываю водиле.

— Тащи эту безбашенную в машину, — говорю начбезу.

Не проходит и минуты, как дева с голым верхом и перепуганным лицом оказывается рядом со мной на заднем сидении.

— В-вы, В-вы, чё? — выдыхает испуганно дева.

— М-мы, м-мы, не чё? — передразниваю её.

— Дядя, В-вы с-сумасшедший?

— Я — нет! А вот ты, по-моему, точно живешь со сдвигом парадигмы, — рявкаю на девулю, которая тянет на малолетку. — Тебе лет сколько? Пятнадцать?

— В-в-восем-надцать. А чё? — хорохорится, пытаясь спрятать свой страх.

— Да, не чё, а что, — рычу, не понимая причину своего раздражения. — Зовут как? И взгляд мягче. Глаза сломаешь, детка. Имя и фамилия. Жду!

— Ян-на З-заноза, — отвечает с вызовом, но я вижу, что она боится разрыдаться.

— Соответствует. Надень, — хмыкаю с мыслью: “Красивая, зараза. Нет. Заноза. Яна Заноза. Звучит забавно!” —

протягиваю ей пиджак и отворачиваюсь к окну.

Замечаю, что девчонка дергает ручку двери в надежде выйти, но сделать это уже невозможно, потому что авто набирает скорость.

— В-вы куда меня в-везете? — выдыхает девочка-Заноза.

— Недалече. Скоро узнаешь, — намеренно язвлю и теряю к ней всякий интерес.

Вижу, как она судорожно что-то кубатурит в своей голове.

Я тоже думаю, но о том, что от этой девки могут быть лишь одни проблемы.

Как и показала жизнь: мои опасения оказались ненапрасными…

Глава 1
Яна

— Ой, бабаньки, слыхали, к нам губернатор новый назначен? — слышу, сидя в раздевалке, голос зоотехника Марь-Ванны.

— Ага! Я даже по теле видела этого нового назначенца, — вставляет пять копеек телятница НюраМхална.

— Ну, и как он? Такой же чмыреватый, как этот Худяков. Тот уж точно и сам был на “Х” и не хорошо и в области при нем все было через “Х”, — присоединяется голос доярки Томы.

— Не, новый назначенец — красавец! Я б ему дала. И не раз, — вступает в разговор ветеринарша Зина.

— Да, ты чё-ё-ё? Прямо так хорош-ш-ш? — тянет смешливо Тоня. — Или это просто у тебя, ЗинСан мужика давно не было?

— Да, ну тебе бы лишь почем зря позлобствовать. Бабы, зуб даю, мужик — огнище. Ростом "во". В плечах "ого". Морда сплошная порода. Нос, что дохтур прописал. В штанах знать тоже крупно, — по ржанию в комнате отдыха понимаю, что ЗинСан показала все, что описала у нового губернатора.

— Ага, еще скажи, что и яйца, как у нашего Васька-трубачка, — хохочет Нюра.

— Ну, это ты маху дала, Мхална. У Васька яйца всем яйцам яйца, — поддерживает общее веселье зоотехник Марья.

— Все, бабоньки! Хватится скалиться, — раздается серьезный голос заведующей фермы Юлии Борисовны. — Губернатор и правда у нас новый. Нам все равно, какой он внешне. С лица, как говорится, воды не пить. Лишь бы не воровал, да порядок навел. А то при прошлом Худякове совсем все худо было. Сами помните, сколько коровок под нож пустить пришлось.

— А вот я ж забыла, — снова вставляет пять копеек телятница НюраМхална. — Он что-то балаболил про восстановление завода. Ну, помните тот, что закрыли лет пять назад по требованию зеленых.

— Да, ты что? Там же вредное производство было. Какие-то кислоты, — цокает доярка Тома. — Мы же тогда всей

областью петицию подписывали и отправляли ее в Москву в правительство.

И тут начинается такой гвалт, словно у нас не животноводческая ферма, а курятник.

Пока тетки кудахчут, я думу думаю и пишу сообщения нашей группе активистов.

Отвлекает меня от дела голос Юлии Борисовны:

— А куда у нас Янка подевалась? Домой что ли ушла? — Да, вроде нет. Вон сумка ее стоит, — отзывается моя наставница — ветеринарша Зина и тут же кричит меня. — Янка! Заноза! Ты куда провалилась? Мы тебя ждем?

Без слов, но с улыбкой, выхожу из раздевалки, держа в руках торт.

— Ни фигасе, и откуда такая красота. Кафетерий уже полгода, как закрылся, — цокает МарьВанна.

— Ой, ну не девка у нас, а золото, — хмыкает заведующая. — Давай уже скорее свой торт. Поздравлять тебя будем с твоей днюхой.

Ставлю торт на стол и разрезаю его. Все начинают меня поздравлять, говорить хорошие и приятные слова.

— Янка, чтоб мамка твоя поправилась. Да, жениха тебе хорошего. Без мужика бабе плохо. Особенно в вашей семье, где семеро по лавкам. Ну, и гонор свой поубавь. Да, и язык прищепи. Мужики занозливых и языкатых любят, но недолго, — по-отечески желает мне зоотехник МарьВанна, школьная подружка моей матери.

— Ага, Ян, ты еще нос свой не суй куда негоже и поменьше про права голоси на всю ивановскую, — добавляет Юлия Борисовна. — Ну, и сессию в академии тебе сдать на пятерки.

Наставления старших товарищей я помню, но не очень долго.

Как говорится, девичья память короче язык.

Вот за свой язык я вскоре и поплачусь…

Глава 2

Глеб Романович

— Область, Глеб, конечно, сложная. Предыдущие губернаторы оказались не теми. Да, и управленцами так себе. Последний Худяков, вообще… Ну, да ладно о нем. Но… В тебе мы уверены. Ты справишься. И… Безусловно… Мы поможем. В рамках разумного. Конечно. Только ты же знаешь…

Чем больше слушаю, тем сильнее понимаю, как круто я попал. Область хоть и рядом со столицей, но уже давно стоит на коленях.

Все производства приказали долго жить еще во время перестройки.

Кто смог, тот прихватизировал самое лучшее. И сняв сливки, теперь живет припеваючи и не в своей стране.

Оставшееся растащили пришедшие позже.

“Да, Глеб, ебиться сердце перестало. Но… Все же… Если не мы, то кто же, — гарцуют мысли в моем мозге. — Ладно,

прорвемся! Где наша не пропадала! Главное, держи лицо!"

САМ наставляет меня, а я держу покерфейс.

— Переживать повода нет. Мы своих, адекватных и лояльных, не бросаем. Поэтому, как говорится: "Большому кораблю — большое плавание!"

Выходим из кабинета в зал. САМ снова говорит правильные речи с акцентом на словах "уверены", "доверие", "грамотный управленец", "справитесь", "своих не бросаем".

Пожимаем друг другу руки. Улыбаемся.

Застываем на несколько секунд для четвертой ветви власти.

От вспышек камер "саранчи" пула в глазах белые мухи.

На прощание САМ при всех похлопывает меня дважды по плечу.

Понимаю: это невербальный жест — сигнал для всех: "Наш! Помогаем! Но… Присматриваем!"

Перед тем как покинуть здание, приходится пройтись по коридорам власти, выслушать поздравления, напутствия, "соболезнования", обещания поддержки и поручкаться, с кем следует.

Со всеми держу лицо и не рассыпаюсь бисером.

Знаю, толку в этом нет. Ты хоть ужом, чижом, лисой, зайцем, конем, — захотят сожрать, сделают это и не подавятся.

"Как там Плутарх говАривал: "Нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть", — так что, Глеб, держи морду, кивай гривой и соблюдай политес, — го-

ворю себе, но вслух произношу:

— Безусловно, Леонид Андреевич, после инаугурации, как только разберусь в ситуации, сразу к Вам. Ваша поддержка для меня бесценна.

“Ну, да… Будет он меня поддерживать. Миром правит золотой телец! Знаю я этого хмыря. Первый начнет кричать: “Ату, его! Ату!”

На выходе меня встречают мой помощник и парни охраны.

Смотрю тяжелым взглядом на помощника.

— Глеб Романович, нас уже ждут. Можем, вертолетом. Так быстрее будет. Ну, или…

— Машиной, Игорь. Подумать надо и документы посмотреть, — отвечаю безэмоционально и делаю шаг к двери.

Помощник вопросов не задает. Он со мной давно. Все понимает без слов.

На крыльце снова журналюги. Позволяю сделать фотографии. Отвечаю коротко на несколько вопросов. Дальше удар принимает на себя помощник.

До машины дохожу спокойно. Парни держат любопытствующую братию.

Слышу слова Игоря о планируемой пресс-конференции.

Воспринимаю их как фон. Понимаю, что надо, потому просто бросаю на помощника взгляд.

— Глеб Романович, врио губернатора на линии. Интересуется, во сколько ждать.

— Дай список управленцев президентского резерва, — произношу, опуская ответ на первый вопрос.

Игорь передает мне планшет и сам отвечает врио: “Едем. Ждите”.

Рассматриваю фотографии кандидатов, выделенных мне. Читаю их биографии, послужные списки, заслуги.

Постукивая пальцами по подлокотнику, мысленно ругаюсь матерно, потому как выбор невелик.

Одни — люди другой формации. Другие — слишком молодые манагеры нулевого цикла — без опыта, зато борзые и нахрапистые. И еще третья группа “Своих не бросаем”. С этими еще хуже. Не хочешь, а брать придется.

— Глеб Романович, супруга ваша на линии…

От слов помощника внутренне морщусь. До сих пор не могу понять, как меня угораздило в тридцать пять лет жениться не на той.

Ладно бы баб было мало. Нет же ж. Менял как перчатки. Не торопился, присматривался.

Хотел ту, чтобы была душа в душу, сердце в сердце, тело в тело. А получилось, как получилось по классике: “Видели глазки, что покупали, теперь ешьте, хоть повылазьте!”

— Да, Марь, — отвечаю ровно, потому что мы оба знаем, любовь здесь больше не живет.

Я бы уже и развелся, но держит прекрасная дочь Мария Глебовна.

— Милый, ну, я же просила называть меня полным име-

нем. Марианна! А не это колхозное Марья, как ты любишь…

— По существу есть что-нибудь? — перебиваю нотации женушки.

— Угумс… Поздравляю, любимый! Видела в ленте новостей. Горжусь. Теперь я — губернаторша.

— Сама что ли в ленту новостную залезла? — неприкрыто язвлю, зная, что жена следит только за светскими сплетнями.

— Нет. Маман сказала во время завтрака. Сегодня платье себе пойду выбирать на инаугурацию.

— Ты Маше купила, что она просила? — спрашиваю, заведомо зная ответ.

— Нет. Времени еще не было.

— Не забудь. Ребенок ждет, — произношу жестко.

Жена хорошо разбирается в интонациях моего голоса.

— Не ори на меня. Куплю. Ладно побегу. Мама ждет.

— Тебя дочь ждет, — стараюсь говорить как можно спокойнее, но понимаю, что уже завелся.

— У дочери есть папа, которого она обожает…

Жена еще что-то говорит о планах на день, о дате возвращения, но я уже её не слушаю, потому что Игорь смотрит на меня, показывая взглядом на свой телефон.

— Понятно. У меня вторая линия. До встречи.

— Глеб Романович, у нас “ЧП”, — шепчет помощник.

Поднимаю удивленно бровь, дескать и что…

— На линии врио. Говорит, какие долбанные активисты развесили баннеры рядом со зданием областного правитель-

ства. И еще… Около завода, который Вы планируете восстанавливать, кто-то свалил автомобильные покрышки и поджёг их. В ютубе, тик-токе и телеге появились ролики с призывом выходить на пикеты: “Заводу — НЕТ!”

Глава 3

Яна

— Янка, ты идешь с нами в столовку или нет? — кричит моя сокурсница Лена. — Мы ждем тебя. Шевели копытами, коза бодливая.

Машу рукой и показываю на телефон: дескать, договорю и приду.

— Ну, и как? Реакция есть? Реально?! Вау!!! Это круто! — восклицаю, смеясь. — Ничего пусть покрутятся, как ужи на сковородке. Только вы поаккуратнее. Никто вас не заметил? Ну и хорошо. Ладно, я помчалась в столовку. Меня ждут. Пиши, если что.

Довольная собой иду к лестнице на первый этаж.

По дороге меня ловит Галочка — секретарь декана факультета.

Снова напоминает, что я могу перевестись на очное отделение.

— Яна, с твоими оценками мы готовы тебя взять сразу на второй курс. Жалко с таким высоким баллом на заочном учиться. И общежитием обеспечим, — в очередной раз убеждает меня секретарша.

— Галина Михайловна, но Вы же знаете причину. Не могу я учиться на очном. Мама болеет. Старшая сестра с мужем на заработки уехали. На брата среднего надежды нет. А младшие… Они еще слишком малы, чтобы за матерью ухаживать. Да, и деньги нам нужны. Реабилитация дорого обходится, — говорить стараюсь спокойно, хотя на самом деле у самой кошки на душе скребут.

Год назад маму разбил инсульт. Случилось это по дороге с фермы, где она много лет работала главным ветеринаром. Был вечер и пурга. Ее не сразу увидели на дороге. Помощь оказали на грани точки невозврата. Мама совсем овощем не стала. Но… Обихаживать себя и детей сама не может. Она только на ноги вставать начала всего два месяца назад.

В год маминого инсульта я заканчивала ветеринарный колледж. С красным дипломом меня сразу без экзаменов брали на очное отделение Плехановки. Но…

Пришлось идти на заочку, потому как маме и малым братьям нужен был уход и присмотр.

В нашей семье вместе со мной семеро детей.

Я — третья по старшинству. После меня четверо братьев. Они у нас близнецы с разницей в три года. Маленьким только четыре исполнилось.

Отец погиб в автомобильной аварии через шесть месяцев после их рождения.

Со старшей сестрой и братом мы почти погодки.

Мне вот только исполнилось восемнадцать.

Брату Ивану будет двадцать. У него еще в башке ветер, а в жопе дым. Одни девки на уме.

Сестра Катя старше меня почти на четыре года. Она рано выскочила замуж и укатила с мужем в Якутию на заработки.

Так и получилось, что кроме меня физически помогать семье некому. На время сессий за мамкой и парнями смотрит соседка — баба Сима и зоотехник МарьВанна, школьная подруга матери.

— Яна, все равно зайди в деканат. Петр Михайлович договорился о возврате тебе денег за учебу. Да, и совет академии принял решение о твоем бесплатном обучении…

Галина говорит, а мне прямо хочется разрыдаться и броситься к ней на шею и расцеловать ее от всей души.

— Только мне будут нужны новые справки: о составе семьи, потере кормильца, смерти отца и инвалидности матери. Поняла?

Боясь разрыдаться, киваю головой. Но…

В этот момент по моим щекам все равно начинают катиться предательницы слезы.

— Ну-ну, девочка! Все уладится. Мама поправится. Ребята вырастут. А тебе обязательно попадется достойный парень, который поймет, что за твоим сильным и резким характером скрывается нежная и любящая душа, — мягко говорит Галина, обнимая меня за плечи.

Слушаю и плачу на ее груди, как ребенок, не веря в то, что моя жизнь может быть иной…

Глава 4

Глеб Романович

— Это что? — недовольно рычу, удивленно поднимаю брови, пролистывая фотографии отобранных помощником кандидатов. — Ты чего конкурс красоты на должность пресс-секретаря проводил?

— Нет, Глеб Романович, но подумал, что пресс-секретарь — лицо губернатора, — морщится Игорь, понимая, что накосячил.

— И-и-и? Ты решил одну барби заменить другой? Повторю еще раз. Мужик или женщина в возрасте. Ясно? Мне не нужна здесь "Моника Левински", — рычу, уже не скрывая своего раздражения.

Помощник качает головой и напоминает, что через час совещание с главами муниципалитетов. Только Игорь начинает давать пояснения о каждом, как распахивается дверь.

Поднимаю глаза и вижу жену собственной персоной.

Хочу сказать: "Какого?!" — но не успеваю, рот Марианны опережает меня.

— Глеб, надо решать вопрос с жильем. Варианты, что ты подобрал, никуда не годятся…

Я, конечно же ничего не подбирал. Даже и не думал этим заниматься.

Игорь получил от меня задание: так на первое время, потом решим.

— Не устраивает, найди лучше, — выдыхаю, когда жена клюет меня в щеку.

Игорь смотрит вопросительно: дескать, может выйти. — Что у нас там дальше, — тут же обращаюсь к помощнику. Но…

Конечно же, жена не дает ему даже рта открыть.

— Я не хочу еще одну ночь провести в этой чудовищной квартире, Глебушка, — тянет Марианна, маняще облизывая язычком губы.

Несмотря на раздражение от того, что она отрывает меня от работы, я сегодня вполне благожелательно настроен на жену.

Она прилетела на "метле" вчера вечером. Мы отлично провели ночь.

При всей своей сучности в постели Марианка — шальная императрица.

При воспоминании в трусах "младший" снова голову поднимает.

— Марь, давай чаю выпьем, — говорю, поднимаюсь с кресла и делаю Игорю понятный нам обоим знак.

Помощник выходит. Я, мягко поддерживая жену под спинку, подталкиваю ее к комнате отдыха.

Минут через десять, застегивая ширинку, выхожу в более приподнятом настроении.

Марианна задерживается, поправляя поплывший макияж.

— Чайная церемония, как я понимаю, завершена, — весело язвит довольная жена.

— Извини, милая, но времени распивать чаи нет, — отвечаю, не оборачиваясь.

— Так что с домом, Глеб? Я присмотрела один очень неплохой особнячок. Он прямо в центре города.

— Не готов ответить на этот вопрос. Надо подумать, — говорю, открывая папку с личным делом мэра столицы области. — Давай вечером обсудим.

— Ве-е-е-че-ром? — тянет Марья, надувая губы. — Я собралась домой ехать. У меня косметолог. Еще и Машка.

Последняя фраза режет мне слух.

Снова раздражаюсь на жену: "Вот, лярва! Вечно у нее дочь на последнем месте. Надо Маняшу забрать сюда", — думаю, поднимая на жену тяжелый взгляд, который она понимает правильно.

— Хорошо. Ясно. Домом сама займусь. На инаугурацию приеду с Маруськой, — примирительно щебечет Марья, клюет меня в скулу и выходит из кабинета.

Вернувшийся Игорь получает моральных тумаков по самые помидоры.

— Третий раз повторять не буду. Пресс-секретарь — мужик или энергичная женщина в возрасте, — говорю, сверля помощника взглядом. — Дом скромный, но комфортный с нормальной территорией. Недалеко от города. Не покупка, а долгосрочная аренда. Пока на год. Там посмотрим.

Игорь кивает головой, как китайский болванчик. Только снова начинает пояснять информацию, нарытую спецами на глав, как в двери появляется лицо врио губернатора.

— Глеб Романович, можно? — уточняет врио, делает шаг вперед.

— Зашел же уже, — киваю головой и уточняю, закрывая папку. — Что за срочность?

— У нас опять "ЧП" на заводе. Вот смотрите, — врио показывает запись на ютубе.

На ней какие-то люди. Идентифицировать их пол по электронным голосам и черной одежде и балаклавам на лицах невозможно.

— Что за бессмертные ниндзи, — хмыкаю, сдерживая смех от их электронного писка: "Заводу — нет! Здоровью — да! Губернатор, открой глаза!" — А это что? Когда успели граффити нанести на трубу? В прошлый раз этого точно не было…

— У нас тут такие мастера этого хулиганства, что они за ночь могут и здание правительства размалевать, — хмыкает Андрей Михалыч. — Мы на них периодически облавы устраиваем.

— Ну, это нам ни к чему. Игорь, запиши в планинг. Новому директору завода дать во все СМИ информацию о планах с отсылкой к настоящим причинам остановки завода. Посмотри сам документы…

Достаю из стола папку с материалами и передаю ее по-

мощнику.

— И мне нужна после инаугурации встреча с мастерами граффити и блогерами. Найди предводителя художников. Обговори все. План сотрудничества расписать с макетами. Ну, и пропиарить все, — говорю, выбирая свободные даты в планинге. — Направим их неуемную энергию в доброе русло. Пусть художничают на заброшенных объектах. Еще и фасады домов им отдадим. Ролик, кстати, кайфовый. Этих ниндзя тоже надо найти…

Глава 5
Яна

— Леш, ну как там у нас дела? Сделали все, как договаривались? Раскидали? Результат как? Шикардос? Это круто! — слушая друга, улыбаюсь от удовольствия. — Что? Полиция ищет? Ну-ну… Пусть побегают. Вы пока посидите тихонько. Не поняла… Что за статья и сюжеты.

Друг рассказывает мне про новости, а я ушам своим не верю.

— Так и написали, что производство было безвредным? Вот брехуны. Ну, как же. Я сама помню, что река покраснела и рыба дохлая кверху брюхом плавала, — цокаю языком, вспоминая разговоры о сливе отравы у нас дома.

Я хоть и малая еще была, но в митингах и пикетах протеста все равно участвовала.

В отличие от других родителей мамка мне не запрещала

на них ходить.

Да, она и сама была в первых рядах протестующих.

Вспоминая маму здоровой, энергичной активисткой всех протестных акций, смахиваю слезы с ресниц.

Мечтаю о том, чтобы она смогла жить, пусть и не прежней, но все же более активной жизнью.

Пока думаю, пропускаю часть информации, которую сообщает Алексей, но выхватываю слово “граффити”

— Леш, ты что-то про граффити сказал?

— Ага. Новый губер на инаугурации сказал, что приглашает художников к сотрудничеству, — с нотками восторга в голосе выдыхает Леха.

— Ну-ну… Мы такое уже проходили. Одно балабольство. Сначала зовут, а после в кутузку и штрафы административные, — хмыкаю от очередных воспоминаний, как мы, словно мыши разбегались в разные стороны, чтобы в ментовку не попасть.

— Может и так. Но, по словам губера, сейчас идет формирование списка объектов, которые граффитисты смогут украсить своими авторскими работами, — продолжает рассказывать Леха. — Еще что-то про конкурс и встречу “Открытое пространство”.

— Ерунда какая-то. Не верю ни одному слову. Знаю я их. Говорят одно — делают другое. Все пустой популизм, — тьфукаю и фыркаю. — Это губер так лояльность народа к власти повышает. Баллы для рейтинга зарабатывает. Вдруг ему

на выборы придется идти.

— Эх, Янка, ты у нас самая умная. Все знаешь и понимаешь. А ленту новостей полистать ленишься, — язвит друг детства.

— Я бы почитала, но у меня телефон сдох, Леха. Хорошо, что сокурсница Ленка свой старый кнопочный дала попользоваться, а то бы и позвонить не смогла.

— Тю-ю-ю… Телефон сдох. Новый купи. Делов-то, — беззаботно хмыкает Леха.

— Да, уж… Ты как всегда в своем репертуаре. Так говоришь, потому что живешь под крылом родителей. Они тебя кормят и одевают, — отвечаю сердито. — Нет у меня сейчас денег на телефон. Я старшим новые куртки зимние купила, иначе малым носить нечего будет. Сам же видел, как они вымахали. Старших догнали по росту.

— Ладно, не злись, Янка. Ну, ерунду сморозил. Бывает. Ты домой-то уже когда возвращаешься.

— Завтра после занятий. На билет на автобус наскребла. Вечерним рейсом поеду…

Глава 6
Яна

Последние два дня в “плехановке” пролетают, как миг.

Пришлось бежать в деканат и договариваться о досрочной сдаче сессии.

Дома без меня переполох. Соседка надорвала спину, по-

друга мамы Марья уехала в срочную командировку.

До старшего брата так и не смогла дозвониться.

Мама в трубку мычала что-то нечленораздельное. Парни из старшей двойни провинившимися голосами все же рассказали, что накормили малышей какими-то ягодами и они теперь сидят на горшках.

С мыслью: “Вернусь, налуплю жопы сорванцам!” — пришлось всех успокаивать.

Маму было жальче всех. Между ее бессвязными попытками донести до меня информацию я слышала тихие и сдавленные всхлипывания.

Тут же в моей памяти всплыли слова врача из областной больницы, что негативные эмоции могут усугубить ситуацию и замедлить процесс восстановления.

Этого допустить никак нельзя. И даже не из жалости к маме.

Просто мне самой стало тяжело все это вывозить. Виду я, конечно, не показываю, но иной раз сил ни на что нет. По ночам иногда плачу в подушку от жалости к себе.

Особенно, когда малыши болеют. А в этом году еще и старшие в школу пойдут. При мысли об этом у меня реально волосы начинают шевелиться.

Соцопека уже не раз предлагала определить маму в инвалидный, а парней в детский дом. Пока мне удается держать оборону и справляться с детьми и домом.

Спасает то, что семья наша считается, хоть и многодетной,

но благополучной. Да, и в опеке все знакомые.

И все же во время каждого визита сотрудников нас всех бьет нервяк.

Радует, что старшие парни понимают все. Сами стараются убирать в доме и за живностью смотрят. Летом нам легче. Но…

Как начинается детский сад, то у меня одной проблемой становится больше.

Потому как в нашем поселке садик еще год назад закрыли на ремонт. Соседний только через десять километров.

Вот и приходится мне каждый день возить четверых детей маршруткой.

У нас есть машина — старенькая, еще от отца осталась. Мамка сама ее водила, когда не чинила.

Я ездить тоже умею. И даже закончила курсы еще в колледже. Только водительское мне по малолетству пока не выдали.

“Так, Янка, значит, этот вопрос первый, которым надо заняться”, — думаю на заправке, где всегда останавливается наш рейсовый автобус.

На последние копейки покупаю себе хот-дог и чай. После перекуса иду в туалет и, как назло, не могу выйти из него: заклинило ржавый замок.

Пока сотрудники заправки общими усилиями открывают дверь, мой автобус уезжает.

Я чертыхаюсь, сдерживая слезы с мыслью: что такое неве-

зет и как с этим бороться. Но…

Делать нечего, приходится идти пешком, потому что другого автобуса сегодня уже не будет.

Благо до отворотки на наш поселок по трассе мне шлепать километров десять. Ну, и от поворота еще три. Значит, если идти быстро, то часа за два дойти можно.

Подумав об этом, выхожу на трассу. Хоть еще и не совсем ночь, но темень стоит такая, то хоть глаз коли.

Шлепаю по обочине. Сначала хотела попутку поймать. Но…

После пятой попытки мысль эту пришлось оставить. Потому как…

Двое из остановившихся были дальнобоями и думали, что я заплечная.

Еще двое показались слишком подозрительными. Пятый тоже произвел впечатление не “але”.

— Ой, да ладно тебе, Янка, — говорю сама себе, — где наша не пропадала. — Лучше вспомни, как от Васька-трубачка пришлось сигануть через забор. Если бы коровы могли оценить твой бег и прыжок по десятибалльной шкале, то ты бы точно получила медаль за рекорд скорости и за взятие высоты.

От собственных слов начинаю хохотать. И тут…

Замечаю на трассе кошку, несущую котенка.

Только хочу выскочить за животинкой, как сама отскакиваю от летящего на скорости авто.

Картина после сворачивает мою кровь и желудок. Последний заставляет меня согнуться пополам и вывернуть все, что было не так давно съедено.

Со слезами на глазах достаю бутылку воды из рюкзака, полощу рот, включаю фонарик.

И уже поворачиваюсь в сторону откоса, куда улетело тельце погибшей кошки, как слышу отчаянное писклявое многоголосье.

Присматриваюсь, подсвечивая лучом фонарика. Замечаю маленькие пушистенькие комочки на линии разделения полос.

Понимаю: через несколько секунд вместо них на дороге могут остаться раскатанные кровяные блинчики.

Только делаю шаг в их направлении, как снова мимо на полной скорости летит машина.

Тут до меня доходит, что я нахожусь в слепой зоне поворота, потому водитель сразу меня не может увидеть и затормозить.

— Ну, и? Думай, Яна! Думай! — приказываю себе, осознавая, что времени на раздумья нет.

И, конечно же, выход находится.

Через секунду я начинаю двигаться к котятам. Но…

Тут же раздается визг тормозов.

Огромный черный блестящий монстр с визгом останавливается практически около моих ног.

Внутри меня сжимается все. От страха даже подмачиваю

трусы. Но…

Все же поворачиваю голову в сторону автомобиля, улыбаюсь и ускоряюсь.

Металлический бегемот начинает совершать какие-то странные маневры.

Собираю малышню и слежу за автомобилем боковым зрением. Меня пугает “ментовская светомузыка”, которую я сразу и не заметила.

Завернув пушистиков в футболку и прижав их к груди, почти бегом возвращаюсь обратно на обочину.

По пути машу в благодарность рукой водителю огромного авто.

Поднимаю свой рюкзак с земли и шлепаю по обочине дальше.

Вдруг дорогу мне преграждает “черный бегемот”.

От неожиданности удивляюсь и застываю.

Из машины выходит взрослый мужчина.

Он смотрит на меня строго и сердито.

Без всяких слов и объяснений жестко берет за руку и тащит в сторону машины.

Возмущаюсь и дергаюсь, как могу, потому что боюсь уронить котят. Но…

Все мои попытки тщетны. Дядька молча запихивает меня на заднее сидение авто, где вижу взрослого импозантного мужчину.

— В-вы, В-вы, чё? — выдыхаю, заикаясь от испуга.

— М-мы, м-мы, не чё? А что? — передразнивает он меня.

— Дядя, В-вы с-с-сумасшедший?

— Я — нет! А вот ты, деточка, по-моему, точно живешь со сдвигом парадигмы, — рявкает он на меня. — Тебе, пигалица, лет сколько?! Пятнадцать?!

— В-в-восем-надцать исполнилось. А чё? — хорохорюсь, пытаясь спрятать свой страх.

— Да, не чё, а что, — рычит мужчина. — Зовут как? И взгляд мягче. Глаза сломаешь, детка. Имя и фамилия. Жду!

— Ян-на Заноза, — отвечаю с вызовом, боясь разрыдаться.

— Соответствует. На… Накинь, — хмыкает он, протягивает мне пиджак и отворачивается к окну. Дергаю ручку двери, в надежде выйти. Но…

Авто уже набирает скорость.

— В-вы куда меня везете? — выдыхаю, чувствуя, как снова обмачиваю трусы.

— Недалече. Скоро узнаешь, — выдыхает мужчина и теряет ко мне всякий интерес.

Замираю от ужаса, что ждет меня впереди.

Жизнь покажет, что мои опасения окажутся ненапрасными…

Глава 7

Глеб Романович

— Папочка, ну почему я не могу поехать с тобой? — по-

виснув на моей шее, грассирует Машуня. — Ты же обещал, что я буду жить с тобой в новом гор-р-роде и у меня будут новые др-р-рузья.

— А я знаю, что одна маленькая обезьянка не ходит к логопеду? — поглаживая худенькую спинку дочери, весело смеюсь в ее блондинистую макушку.

Делаю так, чтобы перевести вектор внимания своей любимой малышки.

— Не заговаривай мне зубки, папуля, — тут же реагирует хитрая Манюня, взяв мое лицо своими нежными ладошками.

Дочь заглядывает с надеждой в мои глаза, старательно пряча хрустальные слезки.

От взгляда ее синих глаз мое сердце плавится.

Только пять лет назад, взяв в руки этого розового ангела с еще мутноватыми, но синими глазками, я понял, что такое безусловная любовь.

Впервые в жизни плакал от счастья.

И еще украдкой целовал крохотные пальчики, пяточки, бархатную попку и сладкие щечки этой маленькой женщины.

Моя благодарность жене за рождение малышки была безмерной. И за Маньку я был готов простить Марианне многое, только не равнодушие к собственному ребенку.

При любой малейшей возможности каждую свободную минуту я проводил с Маняшей.

Летел домой, чтобы искупать свою кроху и уложить спать.

Никогда не уходил из дома, не поцеловав своего ангела.

Моей любви к Машке радовалась только моя мама. Жаль, что год назад мы с Манюней оба в одночасье осиротели.

В момент общего горя думал, что Марья проникнется и изменит свое отношение к дочери и семье. Но… Нет! Все осталось на том же уровне. Звезда по имени "Марианна" как жила своей жизнью, так и продолжила.

Малышка для нее лишь оказалась ярмом, которое только ограничивает ее свободу.

В один из скандалов по этому поводу за закрытыми дверями моего кабинета жена безапелляционно заявила:

— Глеб, твои претензии необоснованны. Я росла так же, как Мария. Моя мама всегда уделяла больше времени отцу и себе. Меня же растили бабушки и няни. И ничего. Я не умерла от недостатка родительского внимания. Игрушек полно. Вещей куча. Никто мозг не клюёт. Я люблю дочь. И не хочу, чтобы у неё было ко мне отношение как к ограничителю её свобод. И мне нравится, что я для неё праздник и подружка. Пойми это!

— Марианна, я не против. Хочешь быть для дочери подружкой и праздником — будь. Но хотя бы уделяй ей внимание, — как можно спокойнее и убедительнее в очередной раз объясняю жене свою позицию и прошу её о малости. — Она уезжает с няней в школу развития, ты ещё спишь. Твоё «спокойной ночи» дочь слышит по телефону. Ты не читаешь Машке сказки. Не интересуешься её делами. Ты ничего не

знаешь о собственной дочери.

И тот наш разговор снова завершился слезами Марианны и традиционным примирительным сексом.

Мне вообще иной раз кажется, что мозг моей жены находится между ее длинных и стройных ножек.

Чем больше смотрю на отношение Марианны к дочери и людям, тем меньше хочу, чтобы Машуля впитала это в себя.

— Папуль, ну что? Мне тащить вещи вниз или Василия попросить забрать мой чемоданчик? — дыша в мое лицо ежиком, с надеждой в голосе выдыхает Марусик.

— Сладик мой, а ты что, уже и вещи свои собрала?

Вместо слов моя принцесса кивает головой.

— Ты у меня самая большая умница. Я горжусь тобой. И скоро приеду специально, чтобы забрать тебя. Мне только нужно решить вопрос с жильем и няней. Поняла?

— Ну, не-е-е… — вздыхая, тянет печально Машулька. — А долго еще ждать? Я очень скучаю. Мне грустно без тебя, папуль.

— Зефиринка моя, постараюсь все уладить как можно скорее. Как только все решится, позвоню маме, и вы сразу и приедете, — объясняю дочери, целуя ее ладошки.

— Н-е-е… Ты мне звони. Мама не поедет в эту тимутаракань. Папуль, а что это слово означает?

— Очень давно в древние времена так город назывался, Машуль.

— Да-а-а? А мы что, в нем жить будем? А как? Там же жи-

вут противные тараканы? — сделав удивленную мордашку и округлив синие глазюки, шепчет страшным голосом Машуля.

— Что за история с тараканами, Маш?

— Мама своей подружке говорила, что не поедет с нами, потому что там тараканы, — на голубом глазу по-детски выдает дочь.

— Слушать чужие разговоры нехорошо, Мань, — сразу вношу корректировку в поведение дочери.

— А я и не слушала, а кушала мороженое. Просто у меня ушки слушали, — тут же находится дочь.

О дочери и разговоре с ней думаю по дороге в доверенную мне государственную вотчину.

В дцатый раз набираю жене, которая снова укатила в свою любимую Италию.

После сброшенного звонка прилетает сообщение: “Дорогой, вернусь послезавтра. Приеду к тебе на выходные. Покувыркаемся. Целую”.

Вздохнув раздраженно, открываю в планшете документы по перспективному плану развития области. Первый — аграрный сектор, подраздел — животноводство.

Подняв голову от планшета, вижу на дороге силуэт.

По высоте и габаритам понимаю: особь женского пола.

— Василий, тормози! — кричу водителю, осознавая, что еще секунда, и мы снесем с трассы эту чокнутую еблань.

Больше всего поражает, что девка, сверкая голым верхом,

двигается боком и размахивает чем-то белым.

Когда гелик подъезжает ближе, различаю в белом куске тряпки футболку.

— Может выйти из машины? — басит Василий.

— Нет, Вась! Хрен знает, вдруг это утка подсадная, а где-то на обочине её подельники. Помнишь, Анатолий, как было в девяностых… Баба выходила на трассу, дескать, помощь нужна, а за ней выскакивали парни с битами… Я сам еще молодой был, но рассказы об этом помню.

— Да, было такое. Мы в такую историю под Самарой попали. Еле отбились, — бухтит начальник моей охраны. — Девка что-то подбирает на дороге…

— Вась, поставь гелик по диагонали. Подсвети фарами. Да, на крышу мигалку выброс, — отдаю распоряжение, жалея, что машину сопровождения отпустил.

Сзади с визгом тормозит авто. Нетерпеливый водитель начинает сигналить.

Буквально через секунд тридцать девчонка с чем-то в футболке проходит мимо нас.

В благодарность машет рукой, потряхивая вполне приличной трешкой, неприкрытой ничем.

Дойдя до обочины, еблань подбирает рюкзак и продолжает двигаться вдоль дороги.

— Сдай на обочину, — приказываю водиле.

— Тащи эту безбашенную в машину, — говорю начбезу.

Не проходит и минуты, как дева с голыми сиськами и пе-

репуганным лицом оказывается рядом со мной на заднем сидении.

— В-вы, В-вы, чё? — выдыхает испуганно.

— М-мы, м-мы, не чё? — передразниваю её.

— Дядя, В-вы с-сумасшедший?

— Я — нет! А вот ты, по-моему, точно живешь со сдвигом парадигмы, — рявкаю, пытаясь понять, сколько ей лет. По мне так она тянет на малолетку. — Тебе лет сколько? Пятнадцать?

— В-в-восем-надцать. А чё? — хорохорится в ответ, пытаясь спрятать свой страх.

— Да, не чё, а что, — рычу, не понимая причину своего раздражения. — Зовут как? И взгляд мягче. Глаза сломаешь, детка. Имя и фамилия. Жду!

— Ян-на З-заноза, — отвечает с вызовом, но я вижу, что боится разрыдаться.

— Соответствует. Надень, — хмыкаю с мыслью: “Красивая, зараза. Нет. Заноза. Яна Заноза. Звучит забавно!” — протягиваю ей пиджак и отворачиваюсь к окну.

Замечаю, что девочка дергает ручку двери в надежде выйти, но сделать это уже невозможно, потому что авто набирает скорость.

— В-вы куда меня в-везете? — выдыхает девочка-Заноза.

— Недалече. Скоро узнаешь, — намеренно говорю жестко и грубо и теряю к ней всякий интерес.

Вижу, как она судорожно что-то кубатурит в своей голове.

Я тоже думаю, но о том, что от этой девки могут быть лишь одни проблемы.

Как показала жизнь: мои опасения оказались ненапрасными…

Глава 8
Яна

Понимаю, что расстояние десять километров на машине, это всего ничего. И мне надо как-то себя быстро проявить, чтобы не проехать мимо моего поворота.

“Просто скажи, что тебе скоро надо выйти, — советует голос разума. — Янка, ты же совсем не трусиха, а ведешь себя… Не убьет же тебя этот крутой дядька…”

Понимаю, что никто ничего плохого не собирается со мной делать, но язык от какого-то несвойственного мне чувства, нет, не страха, а смущения, словно к небу прирос.

Пока думаю, как обратиться и как объяснить, начинают пищать котятки.

В тишине салона авто с легким урчанием двигателя и шелестом шин об асфальт писк животинок звучит очень даже отчетливо.

— Это что за странный звук? — раздается с переднего пассажирского голос мужика, который меня в машину затолкал.

— Кошаки, вроде? — отвечает ему водитель.

— Это у тебя пищат котята? — интересуется мужчина ря-

дом со мной, не поворачивая головы в мою сторону.

— Угум…- выдыхаю, поправляя и поглаживая ерзающие в футболке комочки.

— Так ты котят что ли собирала на дороге? — мужчина поворачивает в мою сторону голову.

Вместо слов киваю и прикусываю нижнюю губу, чтобы не улыбнуться. Но…

Он продолжает смотреть на меня, давя взглядом: дескать, давай, рассказывай.

— Ну-у-у, да. Маму-кошку машина сбила. Я побоялась, что и котят всех передавят. Вот пошла… И собрала…

— Почему голая? — мужчина снова смотрит на меня, как на чокнутую.

— Ну, а как? На трассе темень и поворот. Водители, выскакивая, меня бы не увидели. Не-е-е… — объясняя, содрогаюсь, понимая, что меня и с футболкой в руках могли посадить на капот, как куклу, или раскатать по асфальту. — Может и увидели бы. Только поздно. Да и во что бы я тогда собрала комочки?

— Много их? — мужчина кивает в сторону футболки, что я держу у груди.

— Шесть. Они крошки совсем. Только глазки начали открывать… — цокаю языком.

— Василий Петрович, у тебя случайно в багажнике емкости какой-нибудь не найдется? Котят сложить.

— Не знаю, посмотрю, — отвечает водитель.

— Спасибо не надо. И так донесу до дома, — говорю, вглядываясь в дорогу.

— А, Глеб Романович, вспомнил. За моим сидением есть полотенце. Оно чистое. Я его только после стирки положил. Пусть забирает.

Мужчина, к которому обратился водитель по имени и отчеству, достает полотенце и протягивает мне.

— Давай, перекладывай своих пищащих спасенышей. И футболку надевай, — произносит Глеб Романович и отворачивает голову в противоположную сторону от меня.

Я быстро выполняю все манипуляции и вижу, что мы проезжаем мою остановку.

— Ой-й-й… И-и-и, извините, — кричу негромко, но внятно. — Остановите мне здесь. Я выйду.

— А куда тебе нужно? — интересуется тот, что главный. — Здесь и нужно. Это моя остановка.

— Василий, тормози, — приказывает мужчина водителю, и сразу обращается ко мне. — Тебе же, как я понимаю, куда-то еще идти нужно. Давай мы тебя отвезем. А то будешь по темноте шлепать со своей пищаще семейкой.

— Не стоит беспокоиться. Я не боюсь. Хоть и темно, но места у нас спокойные. Да, и меня встретит друг, — произношу уверенно полуправду.

Я на самом деле не боюсь идти по темноте. А вот про друга приплетаю специально.

Просто, зная наших языкатых соседушек, мне совсем не

хочется, подъезжать к дому на такой дорогущей машине. Потом будут и расспросы-допросы устраивать и пальцем тыкать: “А Янка то у Таньки еще та гулена. Вот она учеба в столице!”

— Уверена, — уточняет мужчина с сомнением в голосе и глазах.

— Угу-у-у… Друг мне сообщение уже прислал, что они с Мухтаром идут по дороге к остановке…

Пока говорю, Глеб Романович, слегка наклонив голову, смотрит на меня с недоверием. Но…

Тут у него звонит телефон. Мужчина отвлекается.

Я дергаю ручку двери, благодарю всех и выхожу из машины.

Глава 9
Глеб Романович

Прошло несколько недель, а я до сих вспоминаю о спасительнице котят.

Это же надо быть такой самоотверженной дурочкой. В ночь и в темнотищу выйти на оживленную трассу для спасения чужих жизней.

В момент, когда Анатолий впихнул девчонку в салон, мне хотелось на нее наорать. Но…

Когда она совершенно просто без пафоса сказала: “Я побоялась, что котят всех передавят. Вот пошла… И собрала…” — у меня от её откровений даже дух захватило.

Последние годы, хоть и самому только еще сорок исполнилось, все время думаю, что современная молодежь — это общество потребителей и любителей срубить бабла по-быстрому.

Парни стремятся за легкой наживой. Если работа или бизнес, то с сиюминутными гешефтами без долгосрочной перспективы.

Девушки, не все, но многие, охотятся за денежными кошельками в лице богатых парней, мужей, папиков.

Если бы моя Марианка не была из состоятельной семьи, то я бы и про наше с ней знакомство подумал так же. Хотя…

В принципе в наших отношениях те же яйца только в профиль. Жену мою интересуют бабло, веселушки и положение в обществе.

Иногда, думая о своей семейной жизни, вспоминаю жену своего командира и боевого товарища Родиона Грома. Его Людочка в свои юные годы стала для Роди настоящей опорой (книга “Звезда полковника Грома” — автор Мара Евгеника).

Я хоть и не завидую, а по-доброму радуюсь за Грома. Но…

Все же нет-нет и подумаю о том, почему в моей жизни все не так…

Знаю точно, что Марианка не стала бы ждать меня из командировок и бороться с моими психическими загонами.

Про спасение котят ночью на трассе и говорить не приходится.

Машуля уже год просит ей щеночка взять, но Марья ка-

тегорически против, словно ей придется самой заниматься собакой.

— Не придумывай, Глеб. У Машки это очередная блажь. Месяц поиграет, а потом мы будем думать куда пристраивать псину. И не забывай я чихаю даже от йорка, у которого гипоаллергенная шерсть. Думаешь мне не хочется прийти на встречу с подружками с очаровательной мордашкой под мышкой. Очень хочется. Но… Как вспомню про аллергию, так и зачеркиваю красным карандашом это желание детства и престижа. Все не обсуждается! — не так давно заявила мне жена, когда я снова поднял вопрос о животинке для дочери.

Мои воспоминания об очередном антиконструктивном разговоре с женой прерывает голос помощника Игоря:

— Глеб Романович, у нас через сорок минут по плану поездка в приют "Дворянское гнездо". Смишники уже заряжены. Пресс-секретарь вместе с ними будет ждать нас к назначенному времени. Корма и все по списку закупили.

— Хорошо. Понял. Игорь, а что с теми, кто устроил акцию "Дай лапу, друг" перед зданием администрации?

— Ответственные органы работают над этим. Из тех, кого задержали, ни один не в курсе организаторов акции. Нашли одного парня с Мухтаром. Но… — пожимает плечами помощник. — Вы сами сказали, что никакой огласки и публичности, чтобы не привлекать напрасного внимания и не раздувать огонь на пустом месте.

— По заводу что? Посмотри в расписании дырку и по-

ставь отметку “совещание”. Будем поднимать завод. Этих ухарей с их бизнес-планом тоже ко мне. Пресс-секретаря в тонкости не ставить, но пусть вместе с Министерством информационной политики разработает пиар-кампанию, чтобы люди были в курсе событий с заводом. Да, что у нас по дорожной карте…

Остальные вопросы уже обсуждаем по дороге в приют.

— С директором все вопросы согласованы. Проблем не будет. Вот справка по этому “Дворянскому гнезду”, — передает мне лист с текстом Игорь. — А это слова, которые для Вас написала пресс-секретарь. Ой, только не надо так морщиться, Глеб Романович. Вы сами сказали написать и показать.

— Дорогой мой, а ты еще старше не мог найти человека на эту должность? Сколько этой Раисе Захаровне? — фыркаю язвительно, вспоминая, как еле сдержался, чтобы не присвистнуть, когда увидел своего пресс-секретаря.

— Ничего не знаю, Глеб Романович. Вы сами ее кандидатуру одобрили. Ну, тогда, когда Клюев приехал со своей племянницей, — рассказывает Игорь то, что я и без него хорошо знаю.

— Я это сделал, чтобы мозгоклюев от меня отстал. Но… И подумать не мог, что ты расценишь мои слова серьезно. Ладно. Пусть работает эта ровесница Ильича, — сначала начинаю хохотать в голос, но вчитываясь в текст, понимаю, что человек знает свое дело. — Хорошо написано. Прямо в то-

чечку.

Услышав мои слова, помощник с улыбкой качает головой.

На въезде в приют нас встречает директор, пресс-секретарь Раиса Захаровна и сотрудник министерства.

Приветствую всех. Показываю рукой на грузовую газель с кормом и набором предметов и аксессуаров, необходимых для комфортной жизни животных.

Передав все директору, иду вместе с ней по территории приюта.

Женщина показывает мне административный корпус с лечебницей для животных, вольеры, рассказывает историю приюта, говорит о проблемах.

— Мы очень стараемся принять и помочь всем животным, которые оказываются в тяжелой ситуации. Но… Возможности наши не бесконечны. Приют выживает на пожертвования. Сами понимаете, желающих помогать не так уж и много, но мы рады любой помощи. У нас есть волонтеры. Они очень активные ребята, — не без гордости говорит директор, показывая в сторону.

Поворачиваюсь в направлении движения ее руки. Вижу в одном из огромных вольеров среди огромной кучи больших псин худенькую девчонку, которая с шутками и прибаутками, называя кличку каждой собаки, кормит их с руки и гладит.

Она настолько увлечена, что не обращает внимания на то, что происходит рядом.

И только лай одной из собак отрывает ее от общения с животными.

Девчонка поднимает лицо. И я узнаю в ней спасительницу котят.

— А это наша самая большая помощница. Ян… — договорить директор не успевает, потому что девушка резко разворачивается и выходит из вольера.

Буквально через минуту возвращается с тачкой инструмента.

— Это не зоопарк. Здесь работать надо, — громко говорит девчонка, смотря на меня с вызовом. — Раз уж вы все сюда понаехали, то возьмите инструменты и помогите убрать вольеры. Или вы только так для бла-бла-бла, и чтобы лицом поторговать?

От автора: Ну, как вам наша Яночка? И чем ответит Глеб Романович на ее выпад? Жду ваши комментарии.

Глава 10

Яна

Я давно узнала, на чьей машине и с кем мы с котятками тогда ехали.

И мне даже показалось, что этот Романович хоть и суровый, но все же не плохой мужик. Но…

Эти его проморолики и сюжеты о том, как скоро мы все клево заживем, бесят меня до трясучки.

— Янка, ну чего ты, — пытается доказать мне друг мой

Леха, что уже все хорошо, а будет еще лучше. — Вот восстановят завод. Запустят его и мест рабочих будет завались. Губер обещает квоту для молодежи. И еще, что теперь снова начнут выдавать целевые направления в вузы.

— Леш, ну ты словно с луны свалился. Прошлый губер еще обещал все дороги в асфальт закатать. И где? — смотрю на друга, сверля его глазами. — Посмотри, мы с тобой идем по полю вдоль асфальтовой дороги. Видишь ее? Нет!? И я не вижу…

Со злости плюю себе под ноги. Вздыхая, глажу Мухтара по голове. Мне хочется плакать от жизни в полной безнадёге. От того, что скоро мне снова вставать в пять утра, чтобы отвезти детвору в детский сад.

— Лех, а детсады в каждом поселке? Их тоже обещали отремонтировать. Наш закрыли три года назад. И что? Как ходила я с парнями пешком на остановку три километра, так и хожу. А почему? — цокая языком, хмыкаю и пинаю ногой ком земли. — Да потому что водитель наотрез отказывается ехать к нам по этим колдоебинам. Кстати, подожди я сейчас сделаю замер этой ямы.

Пока я вожусь с палкой и фоткой, Леха продолжает бухтеть про нового губера:

— Ну, не все сразу. Батя мой говорит, что этот губер на фоне всех прошлых самый дельный, хоть и самый грозный, — говоря Лешка смешно корчит лицо.

Слушаю его, вздыхаю своим мыслям. Чувствую себя дон

Кихотом, который ведет пустые разговоры со своим Санчо Пансой.

— Янка, батя каждый раз, возвращаясь домой, рассказывает, как все трясутся перед Булатовым. Не орет, но спрашивает строго. Спуску никому не дает.

— Лех, я встану в яму. Ты фотку сделай. По моей ноге должна быть видна ее глубина, — говорю, показывая, как фоткать.

Лешка вздыхает, словно делает мне одолжение. Терплю его скрипеж, потому что надо для дела. Выбравшись из ямы, продолжаю говорить:

— Ну-ну. И что от его спрашиваний и их трясучки? — на паузе, втягиваю носом воздух и морщусь от едучего запаха, который снова прилетел от мусорной свалки. — Фу, гадость какая. Нет, с этим надо что-то делать!

— Ой, да ладно тебе. Сколько себя помню, все время этот аромат элитного парфюма, — ерничает Леха, отпуская Мухтара с поводка.

— Вот именно, Леш! Вот именно. Мы приучены жить с мыслью, что так было всегда, потому так и будет. А надо быть социально активными, — фырчу недовольно, прикрывая нос воротником. — Понимаешь, в этом случае не работает поговорка про лежачий камень. В таком болоте камень только мхом и говном обрастает.

— Ну, и… Что ты хочешь сделать, Ян? Свалку ликвидировать? Пикеты около нее установить? Мы в прошлый раз

еле ноги унесли от полицейских…

— И что? Теперь руки опустим и будем сидеть в ожидании чуда? Нет, я не согласна. Созвонись с нашими. У меня есть мысль. Мы напишем письма и соберем по поселкам и весям, что рядом со свалкой, подписи. Я составлю и подам заявление для получения официального разрешения на проведение пикета. И мы его проведем. Пусть губернатор знает, что он не в рай попал.

— Ты сдурела совсем, Янка! Предлагаешь с властью бодаться? — свистит Лешка и крутит пальцем у виска. — Я не против власти, а за нее. И потому хочу, чтобы все было в рамках закона, — говорю, обнимая друга за плечи, хотя сама ему еле до них достаю. — Ой, Лешечка, кто-то у нас кабанеть начал на материнских харчах. Скоро точно станешь, как Санчо Панса…

— Это все сидячая работа. Кстати, меня в администрацию области зовут. В департамент информационной безопасности.

— Ну, давай, иди. Будешь верным айти оруженосцем губера, — сначала хмыкаю язвительно, а после хохочу в голос.

— Смейся-смейся. Вдруг и тебя пригласят. Все же лучше, чем коров осеменять, — корчит лицо, подмигивая мне, Леха.

— Осеменять коров! Осеменять коров! Чтобы ты понимал, башка твоя капустная! К твоему сведению, Лех, осеменять коров — это очень тонкое дело. Искусство!!! И то, что я

делаю реально важно. И мне это нравится. Я свою работу никогда на просиживание штанов в администрации не променяю. Я лечу коровок. Даю новую жизнь. Помогаю им с рождением потомства. Ну, разве это плохо?

— Ты ж мой аист! — смеется Лешка заливисто. — Нет. Янка, ты — ангел. Белый. Вот у тебя и перышко белое в волосах. Может на свиданку сходим?..

Глава 11
Глеб Романович

— Глеб Романович?! Ну, как же так? Сколько это еще будет продолжаться? Эта девица ничего хорошего не понимает, — совершенно искренне возмущается моя прессаша, с которой мы возвращаемся с традиционного еженедельного выездного совещания. — Невиданная наглость. За полтора месяца — шестая акция. То ей дороги новые подавай. То детские сады к началу учебного года отремонтируй.

— Ну, и здорово! Ну, и молодец — она! Раиса Захаровна, зато у вас каждую неделю есть информационный повод. Придумывать ничего не нужно, — несколько язвительно отвечаю.

Пока едем к администрации, наблюдаю за людьми, молча стоящими вдоль дороги в белых медицинских масках с рисунком улыбки и с плакатами “Мы за чистый воздух”.

— Теперь вот эта... Молчаливая акция против свалки тбо. Снова отмывайся. Что за вредная девка? Этой заразе, то есть

занозе энергию девать куда, Женщина тараторит об имидже, повышении рейтинга, лояльности, соответствии личностных качеств, профессиональных навыков и открытой позиции.

Я слушаю в пол уха, потому что думаю о девчонке и том, куда бы приложить неуемную энергию Яны, ставшей в прямом смысле для меня настоящей занозой.

— И ведь понимаете, Глеб Романович, после встречи в собачьем приюте, я была на тысячу процентов уверена, что эта Заноза на нашей стороне. Вы все так правильно и четко рассказали обо всем. Она соглашалась и кивала. И вот те нате… И самое главное молодежь ей верит. Она прямо их неформальный лидер…

— Стоп, Раиса Захаровна. Вы произнесли очень правильную мысль. Яна Заноза их лидер — теневой. Нам надо вывести, так сказать, её из подполья. Пусть со своей неумной энергией генерирует и работает на благо области. Точно. Надо создать при правительстве области молодежный совет, а девушку сделать его руководителем.

— Какой Вы — молодец! — хвалит меня прессаша. — Шикарное решение. Соломоново. И волки сыты и овцы целы. Представители СМИ будут в восторге от этой новости. На когда готовить ваше заявление?

Слова Раисы слышу, но не отвечаю — смотрю в планинг.

— Павел, на ближайшие дни найди то, что можно передвинуть. Созвонись с Яной Занозой. Пообщайся. Договорись о встрече, — нарезаю помощнику задачи. — На зав-

трашнем большом совещании выйду с инициативой о создании молодежного совета и дам задание тем, кто этим будет заниматься.

Жду, наблюдая, как Павел все тщательно записывает в планшет. Добавлю, как только он поднимает на меня глаза:

— Да, никаких мер воздействия к участникам акции. Пусть стоят пока не устанут. Хоть всю ночь...

Молчу несколько минут, обращаюсь к пресс-секретарю:

— Раиса Захаровна, насколько понимаю, журналисты едут за нами и снимают?

Получив кивок головы, продолжаю:

— Это отлично. Сейчас у здания Правительства прокомментирую это благое дело и как раз скажу о планах по созданию молодежного совета и по строительству завода утилизации тбо.

— Глеб Романович, но этого в планах. План сверстан и утвержден был еще до вашего назначения, — округляет глаза Павел.

— Ничего страшного. Разверстаем и переутвердим, — рыкаю на помощника, дескать, хоть ты не зли. — Создадим отдельную программу в рамках борьбы за экологию. Пусть мой новый первый зам этим и займется. Да, Паш, оброни невзначай, что со мной на былых заслугах держатся недолго.

Хочу еще пару слов сказать, но осекаюсь, заметив, любопытство в глазах Раисы.

После очередного выступления перед журналистами и

обозначения планов, которых еще десять минут не было, поднимаюсь в свой кабинет.

По дороге думаю об этой заразе энд Занозе. На самом деле не девчонка, а стартапер-ураган.

Решаю для себя, коли, не могу подавить восстание, то возглавлю его. Так мне хоть будет проще регулировать неуправляемые на сегодня процессы, которые бесконечно создает Заноза. Правильная мысль улучшает мое настроение.

Дальше день проходит стандартно в решении бесконечных вопросов и встречах.

Ближе к вечеру раздается звонок, который сносит мое спокойствие, как цунами.

— Папочка, ты не расстраивайся, у меня тут возникла проблемка, — как взрослый человек говорит моя пятилетняя дочь.

— Машуля, ты где и что случилось? — хоть малышка и старается сохранять оптимизм, но я слышу слезы в ее голосе.

— Папуль, я в развлекательном центре. Мама меня оставила с аниматорами и ушла по делам. Ты не переживай. У меня все хорошо. Только мамы уже давно нет. Я беспокоюсь. Звонила ей. Телефон не отвечает. Вдруг маме плохо стало, — начинает плакать малышка. — И я уже домой хочу-у-у-у…

От слёз дочери мое сердце разрывается.

— Марусечка, не плач. Мама жива и здорова. У нее просто телефон разрядился, — вру дочери, чтобы ее успокоить.

— Дай телефон аниматору.

Маша делает, как я говорю. Объясняю аниматору, что сейчас я созвонюсь с человеком, который приедет и заберет Машу.

Успокаиваю дочь, рассказывая о добром волшебнике дяде Максиме.

— Машуль, помнишь дядю Максима? Мы у них в гостях были. Ты тогда играла с их дочерью Соней. Тебе еще их сын Платон понравился. Ну, вот и отлично. Ты поедешь к ним в гости…

Глава 12

Глеб Романович

Фраза: “Поступок Марианны вызвал у меня приступ бешенства!” — ни в какой мере не отражала моего истинного состояния.

Впервые в жизни мне хотелось ударить женщину. Нет. Даже не так…

Жену, слово “тварь” для которой было самым мягким, я мечтал при встрече придушить.

До Марианны дозвониться мне не удалось. Вернее, как только Макс Греков сообщил мне, что Машу забрал и везет домой, я плюнул на жену с высокой колокольни.

Мне, в принципе, хватило и одного: “Абонент вне зоны действия сети”.

Экс-супруга, как я начал называть Марианну, лишь толь-

ко принял окончательное для себя решение, соизволила позвонить через час после отъезда Маруси из развлекательного центра.

— Глеб, ты совсем охренел? Что это за выкрутасы. Ты меня до инфаркта чуть не довел. Кто тебе позволил без согласования со мной забирать ребенка? Где Мария? — приняв звонок, слышу вопли Марианны. — Назови мне адрес, я поеду за ней! Ты знаешь кто…

Возмущения бывшей жены я слушаю молча. Но… На последней фразе все не выдерживаю:

— Послушай меня, мразь эгоистичная. Ты оставила дочь одну на четыре часа. Мне не интересно, где ты была все это время. Так как же меня не ебет, какого хуя ты мотаешься каждый месяц в Италию. Устанавливать за тобой слежку и уличать тебя в измене мне на хуй не надо. Для развода с тобой мне достаточно того, что ты, блядь, оставила пятилетнего ребёнка в травмоопасном месте без присмотра взрослых.

Я не ору на жену. Нет. Я, вообще, не люблю повышать голос. Не делаю этого, потому что знаю: люди кричат от слабости, беспомощности и страха.

— Глеб, понимаешь. Я…я…я… — Марианна, резко сменив тактику, начинает блеять. — Я у косметолога была. Не думала, что процедура столько времени займёт…

— Ты — головка от хуя… И мне похуй, где ты была и что делала. С этой минуты все разговоры наши только через адвоката. Освободи мой дом до конца недели. Сама этого не

сделаешь. Тебе помогут специально обученные люди…

— Как ты можешь? Я твоя жена… Где моя дочь? — со слезами в голосе взвизгивает Марианна.

— Ты для меня никто и звать тебя никак… И у тебя нет больше дочери! Запомни это, тварь! — с этими словами обрываю разговор.

Легче от выплеснутых эмоций мне не становится и настроение не улучшается, потому что отлично знаю, какой теперь начнётся цирк с конями.

Сам я через это не проходил, но примеров среди друзей немало.

Из мыслей меня вырывает звонок адвоката.

— Глеб Романович, я все же предлагаю уладить вопрос в рамках досудебки, — в своей манере врача психиатра говорит Ирина Адольфовна Грекова (книга “Курвеллочка” автор Мара Евгеника).

— Не тот случай, — отвечаю на тяжелом выдохе, смотря на фотографию Машульки. — Ее семейка попытается устроить хоть и маленький, но армагедец.

— Поняла. Тогда нам нужны серьезные доказательства. Это…

Ирина Грекова диктует по пунктам, записываю сразу в планинг, чтобы отправить начбезу для сбора информации.

— И нужны свидетельства сотрудников, которые работают дома и могут подтвердить, что твоя жена не уделяла дочери должного внимания. Хорошо бы опросить педагогов дет-

ского сада, школы развития, музыкальных, кружков, — всего, что Маша посещает, — дополняет Ирина. — Мы, Глеб, не в Европе. У нас такие суды идут со скрипом.

— Да, понимаю. Все соберем. Ирин, как Марусик?

— Не переживай. Они с Платошей весь вечер рубились в карты. Поела дочь твоя хорошо. Перед сном только спросила, когда мама с папой приедут.

При упоминании жены вздыхаю. Грекова это слышит.

— Глеб, какой бы Марианна ни была, но Маша ее все равно любит. Это безусловная любовь. И тебе это тоже придётся понять и принять. Манька будет скучать по своей нерадивой матери.

В завершение разговора сообщаю, что приеду за Машей во второй половине дня.

Смотрю на время, 23.45, пишу Павлу в планинге планшета задание: отменить встречу с Занозой.

С мыслью: "Хочется надеяться, что эта неугомонная девчонка, не подожжет овин и не объявит войну до разговора со мной…"

Глава 13
Яна

— Баба Сима, сможете завтра за парнями присмотреть? Мне с мамой надо съездить в город на инвалидную комиссию.

— А на чем ты ее повезешь?

— На машине. Я права получила. Теперь буду сама парней в сад возить.

— По такому бездорожью много не наездишься. Вон у соседа Митьки его нива постоянно ломается.

— Вчера грейдер прислали. Поровнял пока дорогу. До осени хватит. А там…

— Знаем мы это. Скоро польют дожди. И все. Снова осенняя распутница, — цокает баба Сима. — Янка, а чего вам в город-то ехать-то. Таньке же лучше не стало.

— Это никого не интересует. Раньше было достаточно заключения участкового врача, который посещает таких больных на дому. Теперь для подтверждения инвалидности каждый год на комиссию ездить нужно, — вздыхаю, словно мне самой лет за семьдесят.

— Эх, Янка, трудно тебе одной. Может, стоит замуж пойти. С мужиком все же легче. Вона… Лешка Пряхин вокруг тебя круги нарезает.

— Да, Вы чего, баба Сима… Мы с Лехой просто друзья, — прыскаю от смеха.

— Ну-ну, знаю я таких друзей. У меня с моим Федей также было. Я тоже думала, что мы с ним просто по-соседски дружим. А Федька как с армии пришел, так и сосватал меня.

— Не-е-е… Я Лешку не люблю. Да, и замуж мне рано, — фырчу, морщась.

— У меня к Федьке любви тоже не было. А сорок годов прожили. Скандалили. Не без этого. А как помер, так поня-

ла, что любила его больше жизни, — начинает хлюпать носом баба Сима.

— Нет. Я не стану выходить замуж без любви, — говорю, обнимая Симу. — Да, и мне пока рано об этом думать. — Ну, раз рано, тогда пиши письма и митингуй за отмену такой инвалидной комиссии. Пущай у губера будет еще одна головная боль из-за тебя, — хихикая, подмигивает соседка.

— В этом вопросе, баб Сим, от губернатора ничего не зависит. Это федеральный закон. Как наверху приняли, так вниз и спустили.

— А депутаты наши? Ну, за кого мы голосуем все время. Эти даромоеды, что нам горы золотые обещают… Они же могут?

— Может и могут с инициативой выйти. Я не очень знаю, — пожимаю плечами.

— А ты узнай, Янка. Как пойдешь в правительство работать, так и узнай все, — хлопает одобрительно меня по плечу Сима. — Я в тебя верю. Ты можешь добиться всего.

— С чего ты, бабуль, решила, что я в правительство иду работать? — искренне удивляюсь, потому что даже с Лехой не обсуждала разговоры с помощником губернатора.

— Хм, хм… Так это… Сорока на хвосте принесла.

— Очень бы хотелось знать имя этой сороки, — пристально смотрю на соседку и понимаю: кроме бати Лехиного, который работает в областной администрации и вечно все сплетни тащит в семью, принести эту новость не мог никто.

— Да, ладно тебе, Янка. Не чужие мы же. Твоя мамка мне почти, как дочь. Хоть и выбрала не моего сына в мужья, а твоего отца, — миролюбиво говорит Сима. — И вы мне все как внуки, потому как мои далеко и приезжают редко.

— Не иду никуда я, баба Сима. Губернатор отменил встречу. Да и не хочу совсем ни в какое правительство. Мне на своей ферме хорошо. Работу я свою люблю. Васек-трубочек и коровки для меня как дети.

Буквально через несколько дней эту же фразу я повторю снова, но совсем при других обстоятельствах…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.